

ЭМИ МУН

ЕДИНСТВЕННАЯ.
ТВОЯ

16+

Эми Мун

Единственная. Твоя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67597694

SelfPub; 2022

Аннотация

Что делать, когда привычный мир рушится в одно мгновение, а один только взгляд лишает покоя? Любава всего-то хотела навестить родительский дом, спрятанный в глухих сибирских лесах, а нашла... его. Мужчину, чье присутствие будоражит нервы и кружит голову. Но никогда им не быть вместе. А еще медведь этот странный все время рядом. Бродит по пятам, караулит на каждом шагу... И смотрит, словно он – человек, чье сердце от тоски рвется. Или, может, ей мерещится? Как и жгучий интерес в глазах Данияра...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	68
Глава 9	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Эми Мун

Единственная. Твоя

Глава 1

«— Любушка моя ...»

Жаркий шепот разносится по телу волной дрожи. Оседают внизу живот мириадам золотых искорок. Будоражит нервы, кипятит кровь сладостью желания.

Любава вздыхает коротко и беспокойно. Сжимает пальцы, пытаясь удержать видение. Она ждала. Так долго и отчаянно, но сейчас опять услышала! Боги, только бы подольше...

По обнаженным плечам скользят солнечные лучи, а может теплые пальцы. Шершавые, осторожные. Выписывают плавные узоры, заставляя то замирать, то рваться навстречу медленной ласке.

« — ...единственная... »

Кожу щекочет густой мех или, может, зелень луговой травы — никак не разобрать.

«— Измаялся без тебя, вернись ...»

Она бы рада! Все бы бросила, босиком по снегу бежала, но куда? И голос этот... голос ли вообще? Тихий, как шум ветра в лесных кронах. Далёкий, незнакомый ... Кто он? Ей

надо посмотреть, срочно!

Но глаза никак не открыть! Ресницы слиплись намертво, не давая глянуть даже самую малость. И руки перестали слушаться! Не прикоснуться, чтобы хоть маленьким движением дать знак – она тут! Слышит его и все понимает!

«– *Вернись ко мне!* » – уже не просьба – приказ. Отчаянный и злой, будто говоривший кричит в пустоту.

Ощущения стали тоньше, а голос дальше. Любава вскрикнула от отчаянья, но быстрее крика в горло хлынула чернота. Затопила собой и разодрала изнутри, превращая Любаву в пустую оболочку, послушную чужой воле.

«– *Мой!*» – шипел и бился в ушах уже чужой голос. – « *Он – мой! Сгинь!* » – визгом по барабанным перепонкам.

– Черт!

По глазам ударил солнечный свет.

«Динь, динь, динь» – надрывался на столе будильник.

Любава с силой провела по лицу. Опять.

Опять этот сон, а ведь уже год как он не снился... И вот опять обухом по голове!

Будильник опять заголосил.

– Встаю, встаю уже, – пробурчала, наживую отдирая себя от подушки.

А внизу живота еще трепыхался теплый комочек. Тянул призраком настоящего желания, которое в реальности никогда не горело так ярко. Даже с Владимиром...

Любава потрясла головой. Ей нужно в душ. А потом –

практика. Зачет сам по себе не нарисуеться.

– Смотри Людка, опять твой мент.

Сладкий голосок Раечки окончательно прилетел в лоб сочной оплеухой.

Любава даже голову пригнула. Зажмурилась, вспоминая заполошное утро и хоровод мыслей. Накаркала. Владимир пришел... Раечка давненько на него заглядывается. Как появился тут, так все в глаза лезет да волосы на пальчик крутит. И лучше бы ее уловки сработали, видят Боги.

Пришлось закрывать «Ворд». В сотый раз поправлять Раису, чтобы имя правильно выговаривала, бесполезно. Как бесполезно просить Владимира не приходить. Все равно ведь подкараулит. Ну хоть цветов больше не таскает.

– Какой мужчина! – вздохнула Раечка, облокачиваясь на подоконник. – Идет она, идет... – махнула рукой Владимиру, заодно привлекая внимания к роскошному декольте. – Так вы снова вместе или до сих пор динамишь? Смотри, уведут.

– Ты, что ли? – хохотнула из своего угла Марина – самая адекватная в отделе. – Закатай губу, такие мужики себе нормальных баб ищут, а не шушеру всякую.

– На себя посмотри, – огрызнулась Раечка. – Разведенка с прицепом...

Опять завелись. Паршивое окончание паршивого дня. А утро так хорошо начиналось...

– Давай, вперед. Уводи. Совет вам да любовь, – вздохнула,

прерывая пыхтевшую Раечку. – Динамлю и динамитель буду. Мы уже во всем разобрались.

Только Владимир, похоже, этого не понял. Все ждал, что ее отпустит. Что их разрыв – просто ошибка... Она бы и сама этого хотела. Очень хотела, но ничего не могла с собой сделать. А тут ещё и сон этот. Как издевательство. Голос у Владимира вроде смахивает, но все равно не тот. И прикосновения другие.

Любава выскользнула из кабинета и направилась к лестнице.

Три этажа вниз – как подъем на эшафот. И контрольное: – Здравствуй, Любава.

Владимир ее имени не путал. Всегда или полным, или Любавушкой, но от последнего становилось почему-то тоскливо и неудобно.

– Привет, – постаралась улыбнуться.

Лучше бы раньше ушла. Нет, не потому, что мужчина хамит или лишнего себе позволяет, как раз наоборот.

Владимир – образец мужского достоинства. Голос не повысит, и тем более руку не поднимет. Матов Любава от него ни разу не слышала. Из интеллигентной семьи, и сам до мозга костей интеллигент. Не скажешь, что следователь, который всякое повидал.

Мимо поцокали каблучками другие практикантки.

Облизали взглядом широкоплечего красавца, и о чем-то зашушукались. Хихикнули, как первоклассницы, увидевшие

предмет своего обожания. Посмотрит или нет? А, может, и за косичку дёрнет?

Увы, им и взгляда не досталось.

– Прогуляемся? – обаятельно улыбнулся Владимир.

А у нее даже намеком не дрогнуло ничего. Каждый день порознь лишь укреплял правильность решения, давшегося в слезах и сомнениях.

«– *Зажралась ты, Людка*, – шепнул в голове голосок Рачки. – *Цену себе набиваешь, да?»*

Зажралась, не то слово. Такими экземплярами не разбираются, а она взяла и исключение из правил устроила. Но стало легче. Вот серьезно. Только стыдно до ужаса.

Каждая их встреча – тонкая царапинка на сердце. Кровоточит, не дает забыть. Уехать, что ли? Наверное, так и будет. Только бы до диплома дотянуть.

Занятая хороводом мыслей, Любава не успела спрятать сумку. А Владимир жестом фокусника ее изъясил и к себе определил.

– Как ты?

Забота в его голосе насквозь искренняя. Ему действительно не все равно.

– Нормально. Вчера родительские вещи разбирала. Свои детские...

Давно надо порядок навести. Полгода уж прошло, а все к шкафу подойти не могла – слезы душили.

– Ты молодец. Если нужно будет что-нибудь, только ска-

жи.

Да, она знала. Любое пожелание вплоть до законного оформления отношений. Последнее и толкнуло ее взять паузу. А если честно – сбежать.

Рука потянулась сжать любимый амулет. Обычная резная мордочка медведя. Владимиру он почему-то не нравился, хотя сама фигурка вроде бы ничем особым не отличалась. Похожие в ларьках продают пучками. Тут и лисы, и волки, и кто угодно. Только выполнены не так мастерски. И точно не из корня северного кедра – родины ее мамы и папы.

– Да вроде пока все нормально. Вернее, теперь нормально. Спасибо тебе еще раз за Ингу.

Инга Игнатьевна – психотерапевт, с которым Владимир ее свел. После смерти родителей так тошно было, хоть самой рядом ложись. Может, и сглупила бы, но рядом оказалось надёжное плечо. А она ему от ворот поворот, неблагодарная...

Любава еще раз тронула кулон, отгоняя настырные мысли. Обман – ещё хуже. Тем более в африканскую страсть она не умела. И не хотела.

– Да, Инга – профи, – продолжил Владимир. – Кстати, тебе привет передавала и спасибо за чай. Говорит, клиенты на раз мягчают, успокаиваются.

– Это все мамины травки, ты же знаешь.

Владимир знал. Он вообще один из немногих, кого родители, что называется, привечали.

– Наш парень, – так отец обмолвился.

Может, поэтому к нему и потянуло после трагедии. Чертова болезнь...

Любава принялась читать вывески и баннеры. Этому приему Инга научила, чтение отвлекало от тяжёлых мыслей. За книгой Любава себя теряла – не слышала и не видела, что вокруг делается. Один раз в автобусе каталась до тех пор, пока водитель не объявил, что ему в парк пора.

– Как у тебя дела с практикой, – сменил тему Владимир, – не обижают?

Смешной. Кто ее обидит, когда рядом такой охранник? Пытался к ней как-то один парень клинья подбить, который слово "нет" слышать не хочет, так Владимир живо разобрался. Ну а зависть девичья – это не смертельно.

– Никак нет, товарищ начальник, – попыталась пошутить, и вроде бы получилось – мужчина так и расцвел.

Желто-карие, ужасно похожие на ястребиные, глаза сверкнули радостью, словно она его на свидание позвала.

– Далеко мне до начальника.

– Не так уж, ещё годик другой – и уйдет ваш Цезарь.

Так за глаза их отдел шефа звал. Любава мельком видела – и правда Цезарь. Худой, долговязый, а профиль римского императора, только венка на голове не хватает. Хороший мужчина. И как только сдюжил во времена всеобщего беззакония*? На таких, видно, земля русская и держалась...

– Сплюнь. Мы с мужиками не знаем, как его уговорить ещё на пяток. Ни в какую. Устал, говорит.

Еще бы. Огромная страна на куски развалилась. Полезла из всех щелей отборная дрянь, сгубившая прорву жизней. Тихая война, как та онкология – жрала города и села. Бандиты, разборки, власть денег и молчание совести.

Их семью боги миловали – отец хорошим егерем был, много важных знакомств, нужных связей. Если какие проблемы – пара звонков дело решали, но папа не любил прибегать к чужой помощи. И напрасно! Может, тогда и врача нашел бы нормального, который помог!

Пришлось опять читать вывески. Прошлого не воротишь. Нельзя себе нервы рвать, маму с папой тревожить.

– Любава...

Бархатно-нежный голос вернул в реальность. Нет, совсем не похож на тот, из сна.

– Извини, Владимир, накатывает иногда. Сегодня столько свалилось, документы эти, квартальные отчёты. Может, надо было на переводчика все же. Какой из меня экономист?

– Очень красивый.

Ну вот, опять неловко. А может, махнуть на все рукой и опять съехаться? Может быть, это так – временное помутнение в мозгах? Не отказываются ведь от такого! Красивый – глаза сломать можно, фигура подтянутая – спортсмен, КМС по боксу, и при этом мозги на месте. Трудяга, не хам какой-нибудь, а как ухаживал! Однокурсницы слюной давились, когда ее у ступеней универа встречал роскошный русоволосый красавец с охапкой белых роз. Где только доста-

вал такие пышные? Неделями стояли и не вяли. От чистого сердца дарил, а она себя чувствовала немного обязанной. Почему?

– Опять меня смущаешь, – пробормотала, отчаянно пытаясь навести в голове порядок. И заставить сердце действовать заодно со здравым смыслом, но оно, глупое, все не хотело пускаться вскачь.

– И в кино пригласить хочу.

Ну вот. Все шло к этому, и все равно ответ поперек горла встал, так, что дышать трудно. Давит что-то в груди, стягивает колючими цепями.

Он же хороший. Самый лучший, одно сплошное достоинство, так почему на душе муторно до ужаса? Почти так же, как после первой и единственной их ночи.

– Я... – Любава запнулась. Оглянулась растерянно по сторонам и, как утопающий за соломинку, ухватила за спасительную мысль. – Кафе!

Владимир так и расцвел.

– В кафе хочешь? Это мы мигом...

– Да нет же, – перебила торопливо. – Мне вот, – махнула рукой в сторону переулка, где пряталась кафешка, – купить домой кое-что надо. Подожди здесь, хорошо? Я быстренько.

– Но...

– Очень быстренько!

Любава выхватила сумку и уверенно зашагала прочь. Ей нужна хотя бы минута передышки! Выкинуть из головы этот

дурацкий сон, себя за шкуру встряхнуть и принять уже мысль, что с Владимиром ей будет хорошо!

Он же для нее в лепешку готов расшибиться. Только глазом моргни – все сделает!

Точно!

Вот сейчас купит торт и на чай пригласит! А может, остаться попросит!

Закусив губу, Любава рванула дверь кафешки на себя, но вместо скрипа петель услышала тихое «хлоп».

И глухой стук тела об пол.

На мгновение ее парализовало. Сумочка выскользнула из рук и шмякнулась на пол.

А перед глазами навсегда отпечатался огромный бугай с пушкой и губастый парень в характерной черной кожанке.

– Взять ее! – взвизгнул губастый.

Любава шарахнулась назад к двери, а стекло перед носом вдруг пошло сеткой трещин. В нее стреляли!

Не помня себя, Любава рванула за ручку и кубарем скатилась с лестницы, прямо в руки подоспевшего Владимира.

– Бежим, бежим... Быстрее! – вцепилась в мужчину, дергая и пытаясь оттащить в сторону.

Но вместо того, чтобы скорее прятаться, Владимир оставил ее за машинами, сунул в руки телефон и, приказав звонить в милицию, рванул в кафе.

О, боги! Его же убьют!

Дрожащими пальцами Любава принялась набирать но-

мер.

* – примерное время действия рассказа – нулевые

Глава 2

На часах полночь, а внутри две таблетки успокоительного, но сон все не шел.

И в голове набатом ругань Владимира с другим следователем. Яростные требования не впутывать ее в это дело.

– Ты обалдел, Ястреб, – шипел усатый и прокуренный насквозь мужчина. – Такой свидетель! Да мы этого гаденыша наконец-то к ногтю прижмем!

– Без нее, ладно?!

И они снова ругались.

А Любава молчала. Пыталась утрамбовать в себе то, что пару часов назад ее пытался прикончить сынок одного из влиятельных людей не только этого города – всей страны.

Скомканные пояснения Владимира не сулили ничего хорошего. У богатого дяди есть «нагулянный», но единственный ребенок, который очень быстро понял, что папочка готов баловать дитяtko и спускать ему очень многое.

Вседозволенность превратила человека в животное, уверенное в своей безнаказанности. За ним тянулся приличный список грехов, но где есть деньги – нет места закону. До поры до времени.

– Любава, ваши показания станут весомым аргументом в суде. Но...

Но надо ее спрятать. Потому что предыдущий свидетель вдруг решил искупаться в Москве-реке. Случайно, ночью. А второй пошел в отказ. Третий собрал вещи и исчез из города. И следствие постоянно затягивалось, суды переносились.

– Она не будет участвовать в этом, – опять завелся Владимир.

Бойтся. На чем угодно могла поклясться, непрошибаемый ко всему мужчина впервые готов был пойти на сделку с совестью. Зря.

– Я уже в этом участвую, – смогла отлепить язык от неба. – Они видели меня, забрали мою сумочку, а там документы. И тот продавец...

Любава запнулась.

Владимир молчал. Это значит, все плохо. А у человека наверняка была семья. Может, и дети без отца остались. Иногда Любава видела, как за прилавком, рядом с носатым добродушным дядькой, вертелись два смуглых подростка. Товар помогали таскать, столики в порядок приводили...

Как тут отвернуться? Сделать вид, что ее это не касается.

– Обеспечим тебе охрану круглосуточную, – пошел в новую атаку следователь. – Никто не сунется.

Амулет больно впился в кожу между пальцами. Может, Любава и верила, что охрану ей постараются обеспечить, но душой не была. Не будут же с ней в туалет ходить и глаз не спускать. Какой-нибудь шанс, да представится.

Крохотная головная боль, засевшая в затылке, медленно

отрачивал шипы. Плохо! Думать сейчас надо, извилинами шевелить, а у нее вместо мозгов – вязкий кисель. И веки вдруг потяжелели, так и хочется закрыть.

– Потом все, Серёга, – опять подал голос Владимир. – Дай человеку отдохнуть.

Да, не помешало бы. Но возвращаться сейчас домой опасно. Словно подслушав ее мысли, следовательно встал и кивнул на выход.

– Дальше по коридору есть служебное помещение. Там кровати. Обычно парни отдыхают между вызовами, но сейчас пусто, все машины при деле.

– Она поедет ко мне, – заартачился Владимир. – Маловероятно, что уже организовали слежку.

Но и исключать нельзя. Нет, меньше всего ей хотелось подставляться под удар единственного близкого человека.

– Я переночую тут. Все равно утром нужно будет вернуться, так ведь?

Владимир набычился. По глазам видно – готов спорить, а нет, так тащить на плече в берлогу, да ситуация не располагала.

– Переночую с тобой, – пошел на компромисс.

А вот за это спасибо огромное. До сих пор трясло, и в ушах заезженной пластинкой звучал хлопок и надсадный визг губастого уroda.

« Взять ее! »

Любава кивнула – одной не так страшно

Теплые ладони скользили по волосам. Медленно, плавно. Страхивали острые крупинки паники, делали мысли лёгкими и спокойными, как широкая река.

– *Я рядом* , – плескались волны о нежный песок.

– *Всегда рядом* , – шумело в высоких кронах.

– *Любушка моя...* – теплые солнечные лучи целовали щеки, медленно скользили по губам.

Ей хотелось счастливо жмуриться и подставлять голову под нежность больших рук. Ластиться, словно кошке, и мурлыкать нежную песенку. А сердце соловьём пело, разливалось. Выстукивало трепетное «люблю».

– *Красиво тут, да?*

Перед глазами плыла сказочная картина. Высокие кедровые сосны один к одному – прямые как стрелы, крепкие и толстые. Мох изумрудный ковром стелется, то тут, то там шляпки боровиков и рыжие пятна лисичек. Так и хочется пройтись, собрать эту красоту в лукошко, а потом испечь любимых грибных пирогов.

М-м-м, даже в животе заурчало.

Но прежде цветов собрать охапку. Вон на той прогалине! Сколько их! И травы разные! Мята, девясил, чистотел... Чудо просто!

Словно из воздуха соткались две фигуры, и в груди стало больно до слез. Родители! Хотела к ним рвануть, но за талию перехватили широкие ладони.

– *Пусти !* – впервые за все время попыталась освободиться от желанных объятий.

– *Они уже здесь, у своих истоков. Возвращайся и ты, жизнь моя...*

Ее выбросило из сна, как рыбу на берег. Хватая ртом воздух, Любава села на кровати и до ломоты в пальцах стиснула кулон. На крохотную долю секунды показалась, что морда медведя слишком теплая, горячая даже, но удивиться не успела – ее тут же заключили в объятия.

С перепугу Любава чуть в обморок не грохнулась, но над головой прозвучало ласковое:

– Тише, Любава... Кошмар?

Владимир! Стало немного стыдно. А кто ещё? Он на соседней кровати как раз устроился.

– Н-нет, не кошмар, – Любава потеряла глаза, заодно пытаясь ненавязчиво сбросить знакомые, но все равно чужие руки. Они не грели так, как *те*, из сна. – Не кошмар. Просто...

Перед глазами мелькнул калейдоскоп картинок. Темная зелень лесов, яркие цветы и травы, тихий шум ветра, и плеск безымянной реки.

– ...просто я знаю, где мне спрятаться.

Поезд качало из стороны в сторону. За окном черным-черно, только звёзды блестят, а она, вцепившись в руч-

ку чемодана, все пыталась найти хоть один фонарь, или дом, или хоть что-нибудь, что подскажет – тут есть люди.

Зря старалась. Где-то на просторах между Томской и Красноярской областью пряталась в лесах родная деревенька. Едва живой полустанок, на котором тормозил поезд, и тот находился не близко.

И всё-таки ее должны были ждать. Несколько часов Любава потратила, пересматривая мамину записную книжку, и, наконец, нашла крохотную заметку на полях. Номер смотрителя этого полустанка. Горник Станислав Святославович.

Дозванивалась весь день. Думала, нерабочий. Мало ли там что поменялось за столько лет, но, к ее удивлению трубке все-таки взяли.

– Станция Лесовушки*, – грохнул над головой голос зашпанной проводницы, возвращая ее в реальность. – Станция Лесовушки...

Любава поежилась – никто из пассажиров не ответил! А если её не встретят? Что она будет тут делать? Ночью, боги знают где. Вокруг лес, лес, лес... и ни одного человеческого жилья.

– Девушка, вам точно здесь надо? – осведомилась вернувшаяся проводница.

– Да, – голос сорвался на предательский шепот. А по коже волной бежали липкие мурашки.

Во что она ввязалась?! Может, надо было согласиться на предложение Владимира поехать с ней? Нет, глупости. У

него в Москве дел по горло. Ожидаемо, пошли первые палки в колеса. Тело из морга «пропало», а на горизонте объявился один из именитых адвокатов.

– Да, мне точно тут, – упрямо тряхнула головой. – Простите, трудно так среди ночи. Как вы справляетесь?

Проводница равнодушно пожала плечами:

– Привычка.

Ей вторил стон тормозов – поезд прибывал на станцию. Женщина пошла к тамбуру, и Любава следом.

Дверь с противным скрипом распахнулась, и тяжелый от грозы воздух толкнул в лицо. Замечательно, только дождя не хватало. Где укрыться, если что?

Перехватив чемодан удобнее, Любава выпрыгнула на платформу.

– Удачного пути, – обернулась к проводнице, но ее слова утонули в металлическом лязге закрывшейся двери.

Любава поморщилась – так себе начало возвращения на родину. Поезд тронулся, а она осталась стоять под светом единственного фонаря на станции.

– Прямо как в ужастиках, – пробормотала, пытаясь улыбнуться собственной фразе.

Не вышло.

Пейзаж действительно выглядел как начало какого-нибудь триллера про маньяка. Изъеденная временем платформа, далекая гроза, фонарь один – от генератора работает, что ли? – и огонек сигареты в тених... Что?!

Любава шарахнулась в сторону и чуть не споткнулась о свой чемодан, а огонек выплыл под тусклое пятно освещения.

– Дед... Станислав, – выдохнула, хватаясь за сердце.

Поклясться могла – он самый! Старик улыбнулся, обнажая белые крепкие зубы.

– А кто ж еще, Любавушка? Поди-ка, убийца с топором ждала?

Любава смущенно топталась на месте. Кого только ни ждала! Но Станислав Святославович больше тянул на сельского пастуха, только в добротной военной спецовке. Непонятного цвета ветровка с капюшоном, штаны с множеством карманов, берцы, и нож у пояса. А еще добродушные светлые глаза. И смотрели они не по-старчески внимательно и цепко.

– Ай, краса... – протянул старик, поскребывая колючую щеку. – Вылитая Яра! Гляди-ка! И волосы – орешек кедровый, и глаза – кора да трава. Жилки всё, пятнышки...

Каре-зеленые, вообще-то. С поволокой. Но поправлять Любава не хотела. Жадно слушала каждое слово.

– ...Ох, сколько в них мужиков потонуло-то, пока Яруся Данилку своего не встретила. А улыбка-то тебе от отца осталась, да. Вижу, вижу...

Любава коснулась губ. И правда – улыбка.

– Спасибо, дед Станислав.

– Стасом кликай. Не так я и стар – не женат еще, – шут-

ливо ей подмигнул.

Последние страхи развеялись дымом от костра. И тьма вокруг перестала казаться угрозой. А воздух такой чудесный, м-м-м. Прямо нектар.

– Пойдем, Любава, – дядя Станислав подхватил ее чемодан. – Дом мой недалече. Теперь уж три оборота солнца поезда никакого ни будет. Выспишься сто раз. Раньше тут часто стучали туда-сюда, целые составы размером с версту, а теперь тишь да благодать.

От платформы вниз вела добротная деревянная лестница. И сразу же за ней тропинка. Еле видная среди густой травы.

Пятно фонарика скользнуло по стволам деревьев. Почти сразу же начинался край леса, и дом прятался за густым частоколом. Тусклое оконце различалось едва-едва, а гроза ворчала все ближе.

– Ох, и дождик сегодня пройдет. Смотри-ка, гремит перунова колесница, грозу мчит.

– Вы тоже... – хотела продолжить «язычник», но замолкла. Невежливо.

А дядьСтас рассмеялся, задорно так.

– Тоже что? Верою отличен?

– Нет, то есть да. Как мои родители.

– Да, и они такие. Разницы нет, во что человек верует, в Христа, в Аллаха или Рода. Создатель – он один. А помощников его как только ни звали. Ангелами, святыми, пророками. Все едино. Под небом и солнцем всем место есть. И

каждой земле, каждому народу – свой защитник.

Любава молчала. Она и сама так думала.

Впереди опять мелькнул тусклый свет. Едва под крышу зайти успели – сверкнула молния и хлынул дождь стеной.

– Хорошо, – дядьСтас огладил седую щетину. – Все, как надо... Пойдем, Любава. Чай на столе, а кот на печке место тебе охраняет. Небось, натряслась в вагоне, разнервничалась. Пойдем.

И она зашла в просторную комнату с настоящей печкой и самоваром.

«Вернулась... »

Опять этот голос! Ломается и дрожит от радостного волнения. Шепчет в самое ухо, как будто незнакомец совсем рядом.

«Вернулась ко мне ».

Любава очень хотела открыть глаза. Попытаться рассмотреть лицо того, кто столько времени тревожил ее грёзы, но нет... никак! Ей оставались только ощущение глупой радости и неверия.

«Хочу тебя видеть, единственная. Запах твой вдохнуть, к груди прижать. Так хочу – сердце немеет... »

Запах? Это кажется странным. Она потянулась вперёд, чтобы коснуться ночного гостя, и пальцы утонули в густой шерсти... Что?!

Любава распахнула глаза.

Под рукой мурчала и жмурилась кошка, требуя чтобы её ещё немного погладили. А, вот откуда про шерсть... при-
снится же.

Сев на печи, Любава осмотрела комнату. Вчера время прошло как в дурмане. Короткое чаепитие, мерный говор дядьСтаса сразу обо всем и ни о чем, настоящая лежанка на печи, где действительно урчала зеленоглазая мурлыка, и сон. Про мех. Любава улыбнулась.

Под сердцем щекотало ощущение чего-то приятного. И комната вся сплошь залита солнечным светом, а за окном негромкий говор... Интересно...

Выбравшись из-под одеяла, Любава неловко слезла с печки. Машинально поправила любимую ночнушку – безразмерную майку с рисунком полевых цветов, подтянула пи-
жамные штаны и попыталась собрать разлохмаченную ко-
су. Но резинка вдруг мистическим образом выпрыгнула из
пальцев и улетела к противоположной стене.

– Эй!

Любава бросилась следом. Волосы рассыпались по плечам и лезли в глаза, но открывать чемодан за новой резинкой не
хотелось, да и мусорить нельзя!

Любава принялась искать пропажу.

А, вот она где! В рукомойник угодила. Надо же...

За спиной хлопнула дверь.

– Проснулась, Любавушка?

Вот и дядьСтас пришел! Любава цапнула резинку, но ни

ответить, ни повернуться не успела.

– Эта, что ли, дочь Данилы и Ярины?

Кожа на спине изошла ледяным жаром. В голове сделалось пусто и звонко, а в груди наоборот – тесно до ломоты.

Голос... это же *его* голос!

На деревянных ногах Любава обернулась к говорившему.

* – название станций, поселков и деревень вымышленные

Глава 3

Большой... Нет, огромный! Макушкой чуть-чуть до потолка не достаёт, а фигура – богатырская прямо. Настоящий медведь!

Взгляд жадно скользил по четкому развороту плеч и широкой грудной клетке. Ласкал крепкую шею и небрежно сунутые в карманы штанов руки. Бежал то по торсу, то обратно к лицу, подмечая каждую черточку. Борода есть. Короткая такая, аккуратная. Густая очень. И волосы густые. Темно-русые вихры встрепаны и торчат острыми пиками, липнут к умному лбу, на котором залегла глубокая морщина. А из-под нахмуренных бровей сверкают янтарные глаза. Насквозь душу прожигают, вплетая в безликие сны образ медведя на двух ногах. Хмурого такого. С поджатыми губами и желваками на высоких скулах. О, боги...

– Точно она?

Глубокий баритон срезонировал по нервам тягучей волной дрожи. Любава бесполезно пыталась вытолкнуть из себя хоть слово, но могла лишь смотреть на неожиданного гостя, чувствуя, как пол под ногами медленно превращается в трясины, а сердце ворочается тяжело и остро, распирая грудную клетку до сбитого дыхания.

Почему он хмурится? И обращается не к ней, а к дядьС-тасу, словно онемевшая от неожиданности девушка – часть

повседневного интерьера.

Ее не рады видеть, наверное... Внезапное мысль ужалила гадюкой, разгоняя внутри яд сомнения.

Конечно, не рады! Навязалась тут. Приехала вся такая «дамочка столичная», еще и время отнимает. Только вроде этого мужика никто в дом не приглашал... что он тут делает вообще?! Внезапная злость вернула дар речи:

– Точно она, – передразнила, ругая себя за внезапно охрипший голос. – А вы *точно* кто?

Широкие брови мужика медленно поползли вверх.

– Я уж думал, блаженная у них девка уродилась, – осмотрел хищно. – А ты пиццать, оказывается, умеешь.

Любава так и поперхнулась. Ну... Хам! Быдло самое обыкновенное!

И это его голос она во сне слышала?! Нет, глупости! А руки так и зачесались схватить с рукомойника кружку да запустить в хмурую рожу.

– И гавкать могу, представляете?

– Не сомневаюсь, – хмыкнул, как щелбана выдал.

От взвившейся под горло обиды дыхание перехватило. Любава только рот раскрыла, чтобы ответить как следует, но дядьСтас опередил.

– Данияр, полно тебе. Да, она самая и есть. Вернулась в дом родительский.

Да-ни-яр... Под ложечкой сладко екнуло. Красивое такое имя. Надежное и крепкое, как несокрушимый кедр. Вот

черт!

– Ненадолго, – пробурчала, обхватывая себя за плечи. – Мне обратно через две недели. К парню!

Ляпнула, а самой стыдно вдруг стало. Враньё это. Обсмеют ее сейчас или что-нибудь грубое скажут. Но мужик равнодушно пожал плечами и, развернувшись, пошел к выходу.

– Собирайся давай, – бросил у самой двери. – Ждать не буду

– ДядьСтас, можно я у вас останусь? – взмолилась, как только дверь хлопнула. – Готовить и убирать могу.

Ехать куда-то совершенно расхотелось. Забраться бы обратно на печку и отмотать время на час назад, когда в груди было легко и сладко.

– Что, совсем родительский дом увидеть не хочешь? Фотографии посмотреть, пожить там, где родная кровь жила.

Это был удар ниже пояса. Конечно, хотела! Разве можно от такого отказаться? Но ехать рядом с этим... медведем надутым? Вот ещё!

А сердце всё ещё трепыхалось где-то под горлом. Гнало по крови гремучий коктейль эмоций, которые она разобрать толком не могла.

Блаженная, значит... Сам он блаженный, козел. Сразу хамить надо? Поздороваться по-человечески не мог?

– А Данияра ты не чурайся, – продолжил дядьСтас. – Он худого никогда не сделает. Не обидит. Хороший мужик, правильный. Сам, вишь, за тобой ехать решил. А то что вор-

чит... встал не с той ноги, видать.

Любава поморщилась.

– Да уж, честь невозможная, – фыркнула, быстро собирая косу.

– А то. Он ведь старший над Четырьмя.

– Над кем? – не поняла Любава.

– Свиды, Туросик, Стукач и Пахма. Четыре деревни наших, о четырех Главах, но над старостами Данияр ходит. Его слово – закон, он лесу хозяин и защитник.

Он?! Да ну, быть не может! Обычный мужик в мешковатой военной спецовке. Ну симпатичный, да. Рослый... фигура просто ходячий секс. Посмотреть бы без рубашки... нет, не думать о фигуре! В общем, все равно! Расписали как бога во плоти, хочется упасть в ноги и о ласковом слове молить.

– Замечательно. Буду знать.

И заодно стороной обходить. Пусть он командует хоть деревнями, хоть танковой дивизией – ей дела нет.

– На дворе подожду, – объявил дядьСтас. – И это... Мазь от комаров на полке. Забирай всю, сожрут ведь. И одевайся спокойно. Данияр ворчать не станет.

Было бы во что! Очень хотелось нормально помыться, но вчера сил хватило только привести себя в порядок. Почти трое суток в поезде тряслась. Вроде и не слишком трудно, а о душе мечтаешь. И о нормальной одежде.

Темные джинсы и удобная фланелевая кофта с глубоким вырезом вдруг показались слишком мятыми и неброским.

Надо было платье брать. У нее есть, льняное такое, вроде простенькое, а по фигуре сидит – закачаешься. Посмотрела бы она тогда на этого медведя!

Любава схватилась за висевшие на спинке стула вещи. Глупости! Зачем оно в лесу, и кого тут очаровывать? Комаров? Но желание надеть сарафан и пройти перед носом у медведя никак не хотело пропадать. Напасть какая-то!

Сердито одернув кофту, Любава поправила сбившийся амулет и, подумав, спрятала его под ворот. Не сильно прикрывает, но пойдет. Не нужны ей ещё и замечания по поводу украшения.

Собрав вещи в чемодан, решительно зашагала к выходу, но у самого порога вся храбрость вдруг исчезла.

Данияр стоял у машины – обычного уазика, похожего на военный, только очень ухоженный, и как будто из новых моделей. Но это ладно. На задних сиденьях виднелось что-то непонятное.

Любава облизнула пересохшие губы. Значит, ехать ей на переднем. Бок о бок с мужчиной.

Негнушмиися руками толкнула дверь. Подумаешь, переднее сиденье. С Владимиром только так и ездила. От мелькнувших воспоминаний вдоль позвоночника холодком протянуло. Он сейчас в Москве, ее прикрывает, а она тут девичьи охи-ахи развела.

Из дома практически выскочила. И прямым ходом отправилась к ожидавшим ее мужчинам.

– Быстрая ты, – похвалил дядьСтас.

А медведь хоть бы бровью повел. Застыл, облокотившись на крыло машины, и смотрел в сторону уходящей в лес дороги. А свою пассажирку словно не заметил вовсе!

– Спасибо, дядьСтас, что встретили, – поблагодарила Любава.

И что не лез в душу. Ещё в телефонном разговоре Любава, путаясь в словах, объяснила причину и почему едет одна. К счастью, подробностей из нее выуживать никто не собирался.

– Будет тебе, – махнул рукой мужчина. – Через две недели, говоришь, поезд... да знаю. Должен быть. Ну, не опоздай, они тут теперь через пень колоду ходят.

Любава кивнула. Да, эта ветка едва дышит. Как ещё не закрыли? Смысла в ней никакого.

Медведь отлип от созерцания леса и молча пошел к водительскому месту. Хоть бы помог! Но нет, забирайся, девушка, как знаешь, и чемодан свой приставай куда угодно... Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

Заднее сиденье действительно оказалось завалено. Коряги какие-то, деревяшки разные. Зачем? Но спрашивать Любава не собиралась. Просто уложила чемодан рядом, надеясь, что его не завалит ветками и прочим мусором.

На переднем сиденье устроилась с самым независимым видом. Пытаясь не обращать внимания на застывшую рядом громадину, потянулась за ремнем.

От неловкого движения из-под ворота выскользнул кулон.
– Что это?! – рывкнули над ухом.

От испуга Любава чуть из машины не выскочила.

– Зачем так орать? – возмутилась, скорее пряча кулон под кофту – отнимут еще! – Ослеп... ослепли, что ли? Украшение. Мое украшение!

И посмотрела с вызовом. Ой, зря! По сердцу как ножом полоснуло – да у него глаза светятся! Да, нет... Нет же – показалось. Просто луч солнца упал так, что светло-карий цвет превратился в расплавленный янтарь.

– Твое украшение? – прищурился медведь.

А ресницы какие пушистые! Любава поспешно отвернулась.

– Да, мое. Мне его папа дал.

Воцарившаяся тишина не принесла облегчения. По коже ровным строем шагали мурашки, а в ушах до сих пор грохотал натурально животный рык. Какая вша этого ненормального укусила? Кулонов не видел? Самый обычный. Можно сказать – грубый. Без особенных деталей.

Но все равно любимый.

Не выдержав, Любава сжала спрятанное под кофтой сокровище. И сразу полегчало. Вот просто до головокружения. Теплее стало на сердце, радостней. Ничего. Довезут ее куда надо, а там две недели быстро пролетят. Заодно с тетей познакомится, с двоюродными своими братом и сестрой. Мама мало про них рассказывала. Родители вообще про про-

шлое почти не вспоминали. А Любава не спрашивала. Значит, пришло время наверстать упущенное.

Машину трясло на ухабах, а лес становился все гуще. А Любава с интересом разглядывала все вокруг, пытаясь не обращать внимания на молчаливого мужика по соседству.

Красиво тут! Прямо-таки сказочно. Деревья один к одному толстые и крепкие – не обхватить руками. О-о-о, а это что, грибы? Как много! Любава проводила жадным взглядом яркие пятна лисичек на мху. Вот бы собрать... Но машина мчала вперед. И водитель за всю дорогу не проронил ни звука.

Любава косилась на сжимавшие руль пальцы и не решалась поднять взгляд выше. Не хватало ей новой порции криков. О, боги... А выглядел нормальным. Пока рот не раскрыл. Пытаясь успокоиться, она провела по мордочке медведя пальцем.

Машину потрянуло.

– Черт! – рывкнул мужик.

Любава вжалась в сиденье. Нервный какой. Хоть бы скорость сбросил. Но вслух не озвучила. Ну его.

Мужик опять выругался, а она вернулась к окну. Лучше деревья посчитает. Говорят, успокаивает... Интересно, а деревня на опушке стоит? И речка есть ли рядом?..

...Деревня оказалась в самом лесу. Любава не сразу поняла, что холмики по бокам дороги – это строения рук чело-

веческих. Началась плетёная изгородь, ведущая напрямик к резным воротам, на верхней перекладине которых красовалась деревянная голова медведя. Почти такая же, как у нее...

А у ворот их встречали люди. Небольшая толпа – человек десять, но и этого хватило, чтобы вжать голову и прикрыться рюкзаком. Лишнего внимания Любава не выносила.

– Они просто хотят поздороваться, – глухо пророкотал молчавший до этого Данияр. – Хватит трусить.

Ее красноречивый взгляд разбился о медведя, как капля воды разбивается о камень. Мужчина по-прежнему сжимал руль и не смотрел в ее сторону. Только вперёд. На стоявшую в центре молодую светловолосую женщину.

Под ложечкой противно ёкнуло. Ещё на что-то надеясь, Любава дернула ручку двери и выбралась наружу. Сбоку тоже хлопнула дверь.

А следом тишину леса разбило звонкое:

– Любимый! Ну, наконец-то!

Под колени толкнула противная слабость, и Любава привалилась к крылу уазика. Перед ней стояла жена Данияра. Беременная.

Глава 4

– Ай, девонька, краса какая! Вернулась родненькая!

Из-за беременной молодки выплыла старушка в платке и платье с передником. На шее связки амулетов. Любава не могла рассмотреть точно. Взгляд тянуло к круглому животу, который, будто нарочно, поглаживала холеная рука.

И мужчина, не обращая больше на нее внимания, пошел напрямик к девушке. Склонился и быстро мазнул поцелуем. А Любаву как хлыстом обожгло.

– Как сходила? Хорошо все? – пророкотал тихонько.

Молодка расцвела широкой улыбкой. Даже синие глаза словно посветлели.

– Устала очень, – от сахарного воркования свело зубы.

Любава чуть не фыркнула. А девушка тут же обернулась к ней и выгнула тоненькую бровку, мол, смотри, чей он. Пришлось отвернуться. Это ее не касается. Только дышать вдруг стало трудно.

– Здравствуйте, – вытолкнула из себя, обращаясь и к старушке, и к толпившимся рядом людям. – Я... ммм, ненадолго.

Боги, какая глупость! Как ей себя держать? Хоть бы кто помог, но медведь шел в сторону домов, а на его локте повисла зазноба.

Бросил. Конечно, ему дела нет. Доставил, а дальше – как

знаешь. И так вдруг горько стало! Умела бы водить – запрыгнула в машину и обратно к дядьСтасу. А лучше вообще отсюда.

– Надолго ли нет, то боги знают, – хмыкнула старушка под нестройный гомон голосов. – Пойдем милая, отдохнёшь с дороги у меня. Я баньку истопила, блинов напекла.

Желудок голодно заурчал. Любава рассеяно оглянулась на толпившихся людей, но не встретила в их глазах ни осуждения, ни равнодушия. Только молчаливое одобрение.

– А тетя Яся? – вспомнила мамину сестру.

– Они семьёй на рыбалку отправились ещё с неделю назад. Скоро познакомишься.

Ох, ну раз так. Ладно. Очень хотелось в родительский дом, но если он пустой стоял, то наверняка там уборка требуется как минимум.

– До свидания, – попрощалась со всеми.

Ответом ей стали кивки и улыбки.

А старушка ловко перехватила ее под локоть и повела к себе.

– Меня тетка Радимила звать. Рада по-простому, – представилась мимоходом. – Я тут вроде местной знахарки.

Любава мысленно поежилась. Боги, куда она попала? Через одного люди в довольно специфической одежде, отдающей стариной. Дома прямо в лесу. Ворота эти странные с головой медведя.

– Знахарки?

– Можешь участковым меня называть, если привычно.

Да, а лесную тропинку – проспектом. Какая из нее участковая? На это учиться нужно... Но Любава молчала. Послушно шла за сменившей старушкой и пыталась представить, что ей делать дальше. Было немного неловко, а ещё стеснительно. Все же она рассчитывала на другое. Но деревня в лесу! Подумать только...

– А вот и мой дом, – Рада подвела ее к небольшой, вросшей в землю избушке. На крыше натуральный мох, стены из толстого сруба, а вокруг тонкая плетёная калитка, ограждающая грядки и, видимо, баню. – Проходи, не стесняйся, – распахнула перед ней дверь.

Запах топлёного масла и выпечки вскружил голову нежным дурманом. Как будто домой заглянула, когда мама свои пироги пекла! М-м-м, этот аромат невозможный!

Любава голодно глотнула и едва оторвала взгляд от накрытого скатертью стола, где стояло угощение. Осмотрелась быстро, но в небогатой обстановке не было ничего особенного. Комната почти как у дядьСтаса. Печка, окна друг напротив друга, стол, половики домотканые, кровать широкая, и... грамоты?!

По правую руку, рядом с окном, стояла угловая полка, а на ней не меньше десятка рамок.

В глаза сразу бросилось «СибГМУ»... Медицинский! Так что же это выходит, старушка – божий одуванчик – действительно врач?!

– А ты как думала, милая? – фыркнули за спиной. – Поди-ка, за шарлатанку меня приняла, в брехуны записала. Говорю же, врач я. Общей практики. Ещё курс лекций по акушерству и гинекологии прошла, и даже опыта набраться успела. Тут, знаешь ли, больше сотни семей живёт. Детки каждый год рождаются.

– Простите, – кое-как выдавила Любава.

А сама глаз от грамот оторвать не могла. С красным дипломом во главе...

И Рада тут живёт?! А ведь такую карьеру построить могла!

– Ну, долго ли стоять будешь? – хмыкнула женщина. – Остыло все.

Любава осторожно пристроила чемодан у стенки и пошла руки мыть. Крохотный умывальник ютился в самом углу.

– А почему вы не в городе живёте, – не выдержала любопытства.

– Зачем? Тут не хуже, а помощи иной раз больше требуется. Мой Горислав, да хранят его боги, так раны шил, да кости правил – любой хирург позавидует. Тоже с образованием. Тут, милая, ты ни одного неуча не найдешь, не ищи даже. У каждого аттестат. Данияр вот политех заканчивал...

Любава чуть в умывальник не вцепилась. Политех. Отлично. Ей зачем об этом знать? А перед глазами мелькнула круглая, как колобок, девица. И ее внимательный взгляд из-под точеной брови. Предостерегающий такой.

Напрасно. Ей этот медведь хамоватый и даром не нужен!

Пусть хоть гарем из девиц держит.

– Ясно, – дернула плечом, отгоняя внезапно вспыхнувшую злость. – А мама моя и папа тоже университет окончили? Странно, но они об учебе никогда не вспоминали, а я не спрашивала...

Стружки завивались тугой спиралью и падали на траву, устилая ее светлым узором. Гладкое дерево ласкало пальцы – ни зазубринки, ни занозы, и взгляд цепко выхватывал места, где ещё ножом пройти надо. Хорошо получится... А толку?

Чуткий слух уловил едва слышный скрип и лёгкий шаг следом. Сейчас явится... Нож вильнул, срезая лишнее. Черт!

В спину как дробью ударило тягуче-нежное:

– Данияр...

Зверь вскинулся, как от удара. Прошёлся когтями по измочаленным нервам и глухо заворчал.

– Слушаю, – вытолкал из себя.

– Пойдем, темнеет уже. Я постель расстелила...

Глухой рык вибрировал в горле раскатами грома, но Данияр отложил нож в сторону. Заставил себя встать.

Варвара тут же на локте повисла. Прижалась боком, а ноготки крепко так на предплечье сжала. Имеет право. А вдали едва слышно заворочалась гроза. Будет дождь. Холодное лето выдалось... Нехорошее.

Дом встретил тонким ароматом трав и меда. Расстаралась

жёнушка.

– Я так соскучилась, – прошептала, хватаясь второй рукой, словно он мог бы сбежать. – Седмицу не виделись, любимый. Обратно со всех ног спешила!

– Вот и отдохни. Путь не лёгкий, а тебе о ребенке думать надо.

И Данияр подтолкнул жену к кровати. Но сам не пошел. Развернулся и молча исчез в другой комнате.

Глава 5

Ее дом. Настоящий, в котором жили родители! Любава стояла среди пустой и немного пыльной комнаты и... и просто стояла. Не знала, что ей делать.

Прибраться, наверное. Пол подмести, тряпочкой окна вытереть. Проветрить постель. Но для начала разобраться, где средства уборки найти.

В общем, дел по горло, а она двинуться не может. И ощущение странное. Словно наконец-то нашла свое место, только вот остаться тут не может. Нельзя.

Любава нерешительно приблизилась к печке. Дом явно убирали и поддерживали в чистоте все это время. Нет чувства запустения, и все же неуютно.

И Рада исчезла. Привела ее сюда, предложила освоиться, а сама вдруг охнула: «Ой, забыла!» и сбежала.

С другой стороны – Рада перед ней вообще плясать не обязана. И так спасибо: накормила, в баньке попарила и ночь предложила скоротать.

Спалось не хуже, чем у дядьСтаса, только без снов. Вообще глухо – как нырнула в темную топь забвения, так и вынырнула. И с самого утра здесь уже. Рассматривает свое будущее жилище на две недели...

Дверь за спиной тихонько скрипнула. Рада! Любава обернулась и едва сдержалась, чтобы не попятиться.

Препарируя ее острым, как скальпель, взглядом, на пороге стояла та самая молодка – жена Данияра.

– Ну здравствуй, Лю-ба-ва.

Медовый голосок плеснул по сердцу черным дегтем.

– И тебе не хворать, – ответила после секундной заминки.

Девушка хищно прищурилась. А в синих глазах лед и стужа. Ждала, что ей в ноги кинутся? Ну, так пусть ждет дальше!

Гостья скривилась и нехотя процедила:

– Надолго ли?

– Сколько нужно будет.

Синь потемнела, как грозовое небо. Девушка поджала губы, а Любава попыталась задавить в себе разрастающуюся ярость. Хотелось сказать какую-нибудь гадость, а еще лучше – сделать!

– А что ж в столице своей не сиделось? – зло прошипела девушка. – Сюда, поди-ка, никто не звал.

– Тебя не спросила.

Молодка так и вскинулась, шагнула ближе, и на мгновение померещилось, что за плечами девицы тугими кольцами взвилась тьма. Потянулась вперед отравленными щупальцами, к самому горлу...

– Чёй-то ты, Варвара, тут забыла? – звонкий голос Рады хлестнул по ушам.

Любава вздрогнула, и морок исчез, оставляя перед глазами обычную беременную женщину и недовольную чем-то

старушку. Когда вернуться успела? Как из-под земли выросла... Мистика какая-то.

– Да вот, Любаву провести решила, – хмыкнула Варвара, – может, помощь требуется. Мы ведь с мужем проследить должны, – и нарочно живот огладила.

– Спасибо, не надо, – отсекла Любава.

Пусть идёт медведю своему помогает. А от нее подальше держится.

Варвара фыркнула. Взметнула подолом просторного льняного платья и с неожиданной прытью выскочила за порог. Любава чуть не ругнулась. Всего ничего знакомы, а лучше бы вообще никогда не встречались. Странно... обычно она никогда так на людей не реагировала, даже пустозвонка Раечка вызывала лёгкое раздражение, но никак ни желание плюнуть в спину.

– Ты на Варвару внимания не обращай, – подала голос Рада. – От ее ревности на сотню верст смрадом несёт. Соколом вокруг Данияра кружит, на всех клювом щелкает. Но и ты лишнего повода не давай.

Больно надо!

– Чужих семей не разбиваю, – проворчала и пошла к окну.

Хоть свежего воздуха пустить, а то от этой «соколицы» пузатой запах странный... Действительно смрад. Тоненький такой.

– Ох, девочка. Не всякая семья – семья есть... Ну да ладно, дело их, не твое.

Любава насторожилась.

А что, плохо живут? Или брак по залету? А может, корысть?

– Зачем тогда женились, если, к-хм, не семья? – не удержалась от вопроса.

Но Рада только головой покачала и посмотрела в окно, словно Варвара могла подслушивать.

Любава расстроено вздохнула.

Что и требовалось доказать! Нет уж. Хватило и одной попытки. Но стало обидно. Это что, тайна великая? Видно же по Раде, все она знает.

А старушка, как ни в чем не бывало, полезла в холщовую сумку и вытащила небольшую берестяную коробочку.

– Совсем забыла, голова пустая. В теле каждую косточку назову, а вот по хозяйству память подводит. Рассыпь это по углам, а ночью выстави у порога вот это, – достала бутылочку молока и булочку. – Каждому дому защитник нужен хоть на день, хоть на долгие лета. А тут домовый давно не хозяйствует.

Любава взяла. Мама тоже мисочку молока на порог ставила, а в коробке, должно быть, бусинки и перышки.

– А теперь давай, сбегай к роднику. Ведро под печкой посмотри. Тропинка за домом, не заблудишься. Тут порядок надо навести, а я помогу.

Это было бы кстати! Остаться одной не слишком хотелось, и пока Рада не передумала, Любава быстренько пере-

оделась для уборки и, отыскав небольшое ведёрко, поспешила за водой.

За дом действительно вела тропинка. Тут нигде не было трёхметровых заборов, иные дома и вовсе походили на землянки, а часть были огорожены лёгким плетнем. Что странно, ведь вокруг лес. А дикие звери? Летом они, конечно, к жилью не подойдут, а вот зим...

– Ой...

Сердце сделало кульбит и рухнуло на дно желудка. У края тропинки за толстым стволом кедра стоял медведь!

Любава застыла.

Надо бежать. Нет! Нельзя бежать! Он же в один прыжок догонит и шею свернет. Боги! Откуда?! Тут же ещё секунду назад никого не было! Или она просто не заметила, увлечённая мыслями.

А по спине холодный пот градом. Липкий такой, противный. И голос пропал, только дыхание рвет со свистом.

Любава до боли сжимала ручку ведра. Бросить его надо. Не поможет, только мешаться будет. А дом в жалких двадцати метрах. Успеет ли? Сходила за водой, называется....

Медведь тоже не двигался. Застыл у дерева лохматой громадиной и смотрел прямо на нее. Глаза в глаза.

Точно сожрать хочет, вон как дышит, бока ходуном, а влажный черный нос тянет воздух глубокими порциями. Почему не двигается? Примеряется для рывка?

В голове проносился один вопрос за другим. А ноги на-

мертво к земле приклеились. Вздохнуть боязно, не то что пошевелиться.

Медведь тихонько фыркнул и совершенно неожиданно лег на живот. Положил лобастую голову на лапы и вдруг вздохнул. Да так тяжело! Наверное, брови у нее к затылку сползли – ему плохо, что ли?!

Но разбираться Любава не стала. Раз лег, значит, фору дал. Она тихонько попятилась, каждую секунду ожидая, что зверь вскочит и бросится следом, но медведь не двигался. Только смотрел.

Шаг, ещё шаг... На четвертом она не выдержала, повернулась и опрометью бросилась под защиту дома. В ушах ветер засвистал.

Дверью так хлопнула, что чуть совсем не сломала. Двинула засов, привалилась к шершавым доскам и тихонечко на пол сползла. В груди ломило от боли, и сердце такие кренделя выписывало – вот-вот через горло выскочит.

– Любавушка? – голос Рады звучал тоненьким писком где-то там, далеко. – Ты чей-то?

– М-м-ме-е-едведь, – проблеяла полушепотом.

И за кулон схватилась. Прижала к дрожащим губам до отрезвляющей боли. Неужели сбежать удалось? В поле зрения показался серый подол. Вышивка по канве странная, славянская такая.

– Ну и?

И?! Какое такое и? Там медведь! Здоровая лохматая жи-

вотина, которая легко может прогуляться по деревне! А тут, наверное, дети есть!

Но на ее ошалевший взгляд Рада только засмеялась тихонько.

– Не тронет этот медведь, не трясись так.

И вот тут Любава поняла, что ничего не понимает вообще. Дикий зверь не тронет?! Бред горячечный. Или она бредит?

– Он... он что, ручной?

– Можно и так сказать, – кивнула Рада. – Рос здесь. Вот прям с младенчества голозадного.

– Боги... – тихонько выдохнула Любава.

Ручной! Ну точно! Поймали охотники в лесу медвежонка и выкормили. Или сиротинку нашли. Мало ли случаев таких. Вон в Москве любители экзотики кого только не растят. И тигров, и крокодилов. А тут – медведь.

– Предупредить не могли? – упрекнула, вытирая выступивший на лбу пот. – Я чуть на месте не преставилась! Думала, сейчас кинется. Я ведь чужачка!

А Рада нахмурилась вдруг.

– Ты эти мысли брось. Какая такая чужачка? От страха соображать перестала? Наша ты. К корням своим вернулась. Тут твои родители жили, родня твоя жить продолжает. А ты – чужачка!

Любава все-таки поднялась на дрожавшие ноги.

– Простите. Я в том смысле, что мой запах для зверя незнаком. Он дышал тяжело, – припомнила, как жадно и ча-

сто вздымались медвежьи бока.

– Дышал и дышал, что уж тут, – отмахнулась Рада. – Теперь вот знаком. Ну, где ведро-то? Эх, жди тут. Я сама схожу.

Ну нет! Любава оправила одежду и сунула кулон под кофту.

– Давайте вместе?

Старушка пожала плечами. По всему видно, зверя она совсем не боялась.

С некоторой опаской Любава заходила за дом. Мало ли, животное рядом бродит? Но нет. Кажется, медведь ушел. Сдались ему всякие нервные приезжие. Лес вокруг тихонько шумел, и ничто не выдавало рядом хищника.

– Как вы живёте? – поежилась, оглядывая деревья и зелёный ковер мха. – Звери вокруг дикие, никаких благ цивилизации.

– От этих благ на сердце мрак, – тихонько засмеялась Рада. – Электричество тут имеется – на речке не так далеко генератор стоит. Баня куда лучше ванны, ну а отхожие места подальше ставим. Септик, все по уму, чтобы и лесу не вредно. Но это небольшая плата за чистоту в душе.

И, предупреждая ее удивленный возглас, пояснила:

– Ложка дегтя бочку меда портит, Любавушка. А один мерзавец испоганит жизнь десятку добрых людей. В большом же городе их не один и не два. Но хуже того, погань легко наверх выплывает и множит заразу. Пороки ведь они такие – малую трещинку в людском сердце найдут и кор-

ни пустят. А злоба и раздражение – так хуже цепучего репья день забывают. Вот и приходится или сердцем каменеть, или научиться отгораживаться. Жизнь в уединении – один из способов

– Тогда почему мама с папой уехали? Их ведь никто не гнал.

– Про это им ведомо, не нам. Но знай: ты имеешь такое же право тут жить, как и Варвара. Да что там! Иные поселенцы вообще посторонние – город на лес поменявшие. Если человек добр, ему везде рады. А вот и ведро.

Любава кинулась подбирать брошенную посудину. Рядом во мху виднелись примятости – следы медвежьих лап.

– Ишь ты, нос любопытный, – проворчала Рада. – Идём, пыль сама не разлетится.

– Где ты был?!

Голос Варвары дрожал от ярости. Того и гляди в глаза кинется когтистой кошкой. Данияр прошел к полкам и выбрал там полотенце. Надо бы в баню сходить.

– В лесу, сама ведь знаешь.

Воздух в комнате трещал от напряжения. А по бокам словно тени зашевелились, выползли из всех щелей и углов.

На обнаженные плечи легли две горячие ладони, но встряхнуло так, словно куском льда провели.

– А помнишь ли ты клятвы, муж мой? – нежный голосок как по щелчку пальцев превратился в медовую патоку. А на

его дне угроза иглами щерится.

Данияр обернулся и глянул на жену. Варвара голову не опустила – смотрела с вызовом.

– Всю до последнего слова. И ты вспомни.

Девушка отшатнулась. Открыла рот, но тут же и захлопнула – возразить было нечего, а Данияр бросил на плечо полотенце и пошел во двор. Воздуха свежего глотнуть.

Глава 6

«Моя. Только моя, слышишь?» – горячие ладони скользили по бедрам, сминая подол тонкого платья.

Любава жмурилась от бьющего в глаза солнца. Полной грудью вдыхала сладковатый запах лесных трав и крепкого кедра с горчинкой янтарной смолы. Вкусно! Всем телом потянулась выше и зарылась пальцами в растрепанные русые волосы. Такие густые! А другой рукой огладила литые мышцы плеч, оставляя крохотные бороздки-отметины.

Мужчина дышал тяжело и часто. Вздрагивал весь – горячий и мокрый, как в лихорадке. Целовал глубоко, с напором. Короткая борода щекотала и немножко кололась.

«Так вкусно пахнешь, единственная моя. Век бы дышал!»

Под нежным давлением ноги сами разошлись шире. Любава коленями сжала крепкие мужские бедра, а внутри все сводило обжигающим желанием. Таким ярким, сладким... До стонов и счастливых слез.

«Хочу тебя... – шептала торопливо и жарко. – Иди ко мне, Данияр...»

– Черт!

Любава подскочила на печке так, что чуть лбом о потолок не треснулась.

В груди птичкой билось сердце, а между ног стягивало таким напряжением – хоть в прорубь ныряй, и то не поможет.

– Черт, – прошептала, хватаясь за кулон. – Чтоб тебя...
Приснится же! Бред сивой кобылы.

«На новом месте, говорят, жених видится», – засмеялся в ушах голос Рады.

Любава так и перетряслась. Провела дрожащими пальцами по глазам, стряхивая остатки горячего сновидения, а кожа вся ознобом изошла.

Да нет, глупости. Первую ночь она у Рады ночевала и не снилось ничего, а тут... Тут просто расшалившаяся фантазия.

Кое-как она выбралась из постели и подошла к стоявшему на столе кувшину с водой. Но умывание не помогло, щеки полыхали таким жаром, что казалось, сгорят сейчас.

А на бедрах до сих пор чувствуется прикосновение приятно шершавых пальцев. Полыхают огненными клеймами, будоража сладкие воспоминания тяжести мужского тела и вкусного запаха.

– Приснится же, – пробормотала снова и крепко зажмурилась.

Куда ее несет?! Мало того, что хам неотёсанный, так еще и жена с животом – вот-вот родит, а ей похабщина видится!

Развернувшись на пятках, Любава выскочила из дома. По тропинке не шла – летела.

Вот сейчас плеснет холодной ключевой водой в лицо, и дурных мыслей как не бывало! И только у самого ручья вспомнила, что еще вчера тут медведь бродил.

Отголоски паники заставили судорожно оглядеться. Но нет, рядом даже белок не было. Только лес, ручей и... ягоды?

Вдоль ручья росли кусты голубики. Странно, вчера она их не заметила... Любава сосредоточено разглядывала мучнисто-синие бусины, унизанные капельками росы. Частично кусты были еще зелены, но первый урожай пошел.

Любава облизнулась. Крупные ягоды выглядели так сочно. Вот прямо бери и ешь. А что? Неплохой завтрак!

Легкие теннисные кроссовки промокли на раз-два. Недолго думая, Любава разулась.

– Ой! – вскрикнула полупшепотом.

От земли как будто тепло шло! И мягко, словно на ковре стоишь.

– Прямо лес чудес, – пробормотала, разглядывая босые ноги во мху.

Сколько с отцом на природу ни выбиралась – такого не замечала никогда, а тут словно грелку под ступни кинули, а опавшая хвоя щекотала мягенько так, прямо как во сне бороды Данияра.

Любава аж зашипела от злости. Не то на сон дурацкий, не то на себя саму. А между ног опять стянуло желанием. Пошлым и сладким...

Куст голубики чуть с корнем не выдрала, только ягоды передавила. Мысленно отвесив себе затрещину, а заодно вспомнив «соколицу» с животом, Любава потянулась за новой порцией.

Первые ягоды лопнули на языке кисло-сладким фейерверком. М-м-м! Любава чуть на землю не села. Никогда такого не пробовала! Да это же... Это вообще ни с чем сравнить невозможно!

За первым кустиком пошел еще один, потом еще... А это что, морошка? Ого, какая крупная!

Ягоды сами просились в руки. Дразнили язык и желудок. Вот бы хлеба немножко! Рада ей оставила целый каравай, ещё и творога с молоком. Настоящий пир будет!

Любава быстренько собрала полные горсти ягод и с трудом, но оторвала взгляд от земли.

– Ох...

Подавилась воздухом. Где она?! Где ручей и знакомая тропинка?! Вокруг стеной стоял лес, и непонятно, в какую сторону двигаться.

Первые нотки паники сыграли на нервах победный марш. Любава попыталась выдохнуть, но под коленками свербела противная слабость.

Так, не паниковать! Она не могла далеко уйти – это раз, в лесу ориентироваться умеет – это два, а в третьих...

– Ой! – вскрикнула, поджимая ногу.

Сучок! Да как же так?! Любава шепотом обругала себя за пустую голову. Босиком пройти решила, вот дура!

Стараясь не наступать на поврежденную стопу, поковыляла в сторону тропинки. Но ни через десять шагов, ни через пятнадцать ее не увидела.

Нараставший с каждой секундой страх гнал нестись вперёд, но через силу Любава заставила себя остановиться. Нет, не туда идёт, надо обратно. Но и так ничего не вышло. Проклятая тропинка испарилась, и даже кусты голубики пропали. Что за чертовщина?!

– Эй... – первый писк вышел шепотом. – Ау! – уже громче. – Меня кто-нибудь слышит?! Ау!

Тут же должны быть люди! Деревня совсем рядом!

– Ау!

Голос разбивался о деревья и эхом возвращался обратно. Любава трусливо оглядывалась по сторонам, из последних сил пытаясь не впадать в панику. Получалось паршиво.

– Ау! Ау-у-у!

Где же все?! Хоть кто-нибудь!

– Ау-у-у! – сорвалась на хрип.

– Ты чего орёшь?

– А-а-а!

От испуга она чуть не взлетела на ближайшую сосну. Шархнула в сторону и, споткнувшись о что-то твердое, полетела на землю.

– Ой, – заныла, жмурясь от боли в ноге, – простите, я... эм...

Слова благодарности застряли в горле. Скрестив руки на богатырской груди, перед ней стоял Данияр. Без майки.

Страх испарился вместе с болью в ноге. Любава вцепилась в мох, пытаясь заставить себя не разглядывать это... совер-

шенство. О, боги, за что? Будто мало ей голоса и тревожных снов! Какого черта он вообще разгуливает по лесу без майки, зачем?!

А взгляд жадно скользил по обнаженной коже, лаская тугие бугры мышц и контуры идеальной фигуры. Жилистую, крепкую шею, мощные плечи и отлично проработанный пресс, по которому от пупка вниз тянулась темная дорожка.

– Все рассмотрела?

Насмешливый хмык обрушился на голову лихой затрепиченной. И если бы могла, Любава вот сию же секунду провалилась бы сквозь землю или сбежала пешком в Москву. Не помня себя от смущения, вскочила на ноги и, круто развернувшись, шагнула прочь. Пусть хоть в самую чащу, только бы подальше!

Но первый порыв закончился фейерверком взрывной боли. Любава со стоном рухнула обратно на землю, и схватилась за бедную лодыжку.

От бессилия чуть не расплакалась. Зараза! Надо же было кроссовки снять! Ничего, как-нибудь дохромает...

Земля резко ушла вверх, и Любава затрепыхалась в огромных ручищах.

– Эй! Пусти! – ударила в каменные плечи.

– А ну цыц!

И ее, как игрушку, легонько подбросили в воздух. Совершенно не напрягаясь, Данияр понес ее на руках обратно к

деревне.

А Любава старалась не дышать. Съежилась вся и тянула воздух сквозь полуоткрытые губы. Но запах! Кедр, смола и сочные травы... Аромат совсем такой же, как во сне! Но в машине Данияр не пах так! Или... Или она просто не почувствовала?

Любава тихонько перевела дух, цепляясь за найденное объяснение. Психотерапевт говорила, что люди все запоминают, так или иначе. В машине Данияр далеко сидел, и аромат был слабый, а теперь он близко.

Внизу живота приятно дрогнуло. Сжалось в тугую золотую пружинку, подмывая вскинуть руки и обнять за крепкую шею. Пройтись пальцами по выемке на затылке, наблюдая, как жмурится от удовольствия этот роскошный сильный мужчина... Урчит, словно опасный, но совсем ручной медведь.

Любава уставилась на сосны, втайне жалея, что тут нет баннеров.

« Он женат, дура! – ехидно пищал голос здравого смысла. – А ты никто и звать тебя никак. Полюбоваться она решила... »

Боги, как же стыдно! Никогда на мужиков не кидалась, да и – что там! – не смотрела лишний раз. Только с Владимиром отношения худо-бедно построились, но все его стараниями. Нет, не дура она – свинья самая настоящая!

Хорошего парня продинамила, а в чужой огород влезть

решила.

Любава ругала себя на чем свет стоит, но обоняние дразнил запах разгоряченного тела. С ума сойти можно! Подсесть с одного только вздоха... И руки у него такие удобные, нежные. Как пушинку несет... Нет, нельзя об этом думать! Ей просто помогают!

А под сердцем шевелилась нехорошая догадка. Распускала острые крючки, собирая на них заполошно метавшиеся мысли.

Ручей показался буквально через две-три минуты. Любава глазам своим не поверила – она рядом бегала! Но как так?

– Дальше я сама, – откашлялась, пытаюсь выбраться из медвежьей хватки.

Байка задралась, и от прикосновения кожи к коже перед глазами поплыл золотой туман.

Данияр не ответил. Сжал ее так, что Любава закричала от недостатка воздуха. Попробовала выкрутиться, но мужчина лишь ускорил шаг.

Через ручей перемахнул в два счета, она и пискнуть не успела. Да что же в нем за силища такая?! Не человеческая, а животная просто!

Не обращая на ее удивленный взгляд внимания, в один мах подхватил валявшиеся на тропинке кроссовки, сунул ей в руки и почти бегом преодолел расстояние до дома. В дверь влетел – чуть углы не снес.

Опустил на лавку и распрямился, нависая над ней пышу-

щей жаром громадиной.

– Головой думай, прежде чем обувь снимать! – рявкнул так, что ее подбросило. – Одна морока!

А в следующее мгновение дом уже был пуст. Ушел.

Любава тихонько перевела дух. Надо на станцию возвращаться, срочно. И попробовать заказать билет до Томска. Там спрячется. Пошло оно все к черту вместе с психованным лесником из политеха.

Глава 7

– Как же так, Любавушка? А если бы гадюка? Тут тебе не парк отдыха, лес самый настоящий, хоть и жилой.

Выверенными движениями Рада прочищала ранку. Острая веточка зашла глубоко под кожу, и если не достать все – нагноение как минимум.

Любава тихонько вздохнула. Да плевать на больную ногу! В груди пекло до тихой паники.

Хорошо, что Владимир озаботился ей сотовый достать. Любава отнекивалась – ну его, такую дорогую вещь при себе хранить, но мужчина настоял. А толку? Связи нет... На станции еще худо бедно тянуло, а здесь глухо как в танке.

– Мне бы ... ой!..

– Не дёргайся, – строго оборвала Рада, и опять взялась за пинцет. Рядом блестел медицинский лоток для инструмента. Лес лесом, а диплом старушка не зря получала. Сейчас перед Любавой сидел настоящий врач, который для раны перекись и бинты использует, а не заговор.

– ...позвонить, – закончила Любава. – А связь не ловит...

Рада пожевала сухими губами

– Так не в городе живем – в лесу. Правда, недалеко часть военная стояла. Верстах в двадцати. До развала копошились там чего-то, ракеты прятали. А теперь заброшена уже... Но вышка там имеется. Кое-где ловит маленько. Надо к прога-

лине сходить. Должно сработать.

– Покажете?

– Покажу, но завтра. И не спорь. Ты хоть немного, а все-таки ногу повредила, сейчас ее лучше не нагружать.

Вот же! Любава недовольство поморщилась и опять прижалась губами к кулону.

– Мне уже почти не больно, – проворчала, но больше для себя.

Ужасно не хотелось терять день, а в итоге придется сидеть дома. И что ей делать?

Любава нахмурилась, прикидывая план действий... И вдруг как молнией озарило. Старые альбомы! Вчера так и не добралась!

– Ты чего на лавке пляшешь? – опять прикрикнула Рада. – Мне потом тебе ногу резать мало радости.

– Нет, я... Тут фото должны быть. ДядьСтас говорил. Только где?

С сомнением оглядела комнату. Вчерашняя встреча с медведем выбила из колеи, потом уборка до вечера, после которой ее натурально выключило. А теперь будто в голове щелкнуло.

Но шкаф оказался пуст, да и на полках ничего. Может, родители все увезли? Или отдали на хранение?

– Хм, – задумчиво огляделась Рада. Прошептала что-то, амулеты тронула, и вдруг как выдаст: – А на чердаке смотрела?

Любава даже зажмурилась. Вот балда! Разбежаться бы да треснуться головой о стену – все равно мозгов нет. Чердак! Ну, конечно!

– Совсем про него забыла, – призналась честно, – ни одной мысли не было.

– Мыслей не было, потому что не время.

Голос старушки звучал глухо и подозрительно задумчиво. Но Любаву сейчас интересовал только чердак. А вот тот лючок в углу комнаты – он, наверное, не зря ...

После ее быстрой вылазки на чердак, Любава сидела в обнимку с одним-единственным альбомом.

Тонкий, едва ли в палец толщиной, но такой драгоценный! И утренняя встреча, чтоб ей пусто было, разом потускнела и отошла на задний план.

– У родителей почти не было фотографий, – призналась сидевшей рядом Раде. – И писем они никому не писали. Только иногда мама звонила сестре. Очень редко, а та присылала открытки.

Старушка тихонько хмыкнула

– Ну так открывай.

И Любава открыла. На колени соскользнул белый конвертик. Письмо.

– Это уж ты сама, – верно поняла Рада. – А я, пожалуй...

– Нет, останетесь! Давайте сначала фото посмотрим...

И они начали смотреть. А вокруг строились и набирали силу картины прошлого. Длинноволосая красавица в каму-

фляжном костюме и с охапкой цветов. А рядом точно в такой же одежде парень, только у него ружье через плечо висит. Оба улыбаются. Счастливые и молодые.

– Твой отец переехал сюда в семнадцать, он сирота был.

Последнее Любава знала. А о первом папа не упоминал.

– Мама рассказывала, что они в колледже познакомились...

– Да, они в одной группе учились. Вот первый курс их и свёл, ну а потом Данила сюда за любимой отправился. Его ничего и не держало.

Карточки мелькали одна за одной. Родители в городе, у ручья, в доме. Всюду вдвоем или с незнакомыми ей людьми. Почти незнакомыми.

– Мамина сестра!

Тетю Любава сразу узнала. Две девушки в обнимку, и обе с одинаковыми улыбками и глазами.

– Старшая, да.

– Ой, а это...

– Ночь на Купалу. Для всех нас большой праздник. И для твоих родителей особенно. В эту ночь обычно и просят благословения пары.

Любава с интересом разглядывала людей в славянских одеждах. Так странно. Родители никогда не навязывали ей во что верить и как одеваться. Мама, правда, читала русские сказки в основном, а отец часто брал в лес, но чтобы воспитывать в определенном ключе – нет, такого не было. На-

оборот, родители часто повторяли, что у каждого свой путь. Главное – оставаться человеком. Не только для других людей, но и природы.

– Они поженились в восемнадцать, я знаю.

– А через год и дитя сделали, – хмыкнула Рада

Любава смущённо улыбнулась и вновь перевернула страницу.

– Ох, – только и смогла выдохнуть.

Фото было случайным. В движении, как говорят. Папа протягивал руку маме, а за родителями стоял молодой Данияр. И Любава тоже была тут. В животе у мамы.

Внутри опять заворочалась тяжесть. Сколько между ними лет разницы? Это даже не подросток, а юноша! Высокий, широкоплечий. А какая улыбка! Легкая, будто облачко. Так и греет, но в груди почему-то больно.

И это их совместное фото будоражит странные ощущения. А в них яркими нотками сквозила грусть.

– Помню это фото. Данияр твоим родителям с переездом помогал. Ему уж пятнадцатый год шел...

О, боги! Так ему сейчас тридцать шесть! Да она перед ним соплюха малолетняя!

– А женился он...

– Зря.

Любава чуть не поперхнулась. Ничего себе заявка! Вроде бы про их отношения женщина говорить не собиралась. Или передумала?

А Рада повертела в морщинистых пальцах щипцы и бросила обратно в лоток.

– ...Впрочем, это его дело. Поженились и ладно. А Варвара, не будь душой, сразу дите сообразила. Ну-ну.

Любава закусила губы, пытаясь удержаться от расспросов. Это – чужая семья. Только почему Рада говорит, будто брак на фарс похож? Или невеста по койкам скакала?

– Сообразила? Не от него, что ли? – ну вот, вырвалось.

Но как же услышать хочется! Вдруг...

– От него, конечно. От кого же еще...

Альбом чуть не выпал из ослабевших пальцев. На что надеялась и зачем? А Рада продолжила бросать землицу правды на могилу ее надежд.

– ...Они брак по всем правилам оформили. И в ЗАГСе, и перед Богами. Оба клялись на всю жизнь, чтобы без развода.

– Без развода? – повторила эхом. – Разве у вас не... не разводятся? – голос подломился, и Любава уставилась на фотокарточку.

А Данияр с улыбкой смотрел на мамин живот.

– Разводятся, милая. Но Данияр – старший над четырьмя нашими деревнями. Он – образец всем мужчинам. Пары бывают и разбегаются – это так, но только если двое не клянутся в верности до смерти и после нее. Ну, про последнее Данияру хватило ума не говорить, а вот первое – тут Варвара его ловко окрутила. Что ж – его выбор.

Да, его. И мешать этому Любава не имела никаких прав.

– Отведете меня завтра на прогалину? – попросила тихонько. – Очень нужно.

Глава 8

Солнце пробивалось сквозь толстые стволы деревьев и гладило щеки золотыми пальцами. Пятнами дрожало на мху, превращая обычную зелень в сияющий всеми оттенками изумруд. Воздух пьянил свежестью раннего утра, где-то над головой разливалась трелью птица, а Любава еле тащила себя вслед за Радой.

Ночь прошла отвратительно.

И причиной тому стал не случившийся разговор.

Вечером, когда Рада ушла, Любава забралась на печку и попыталась хоть как-нибудь избавиться от тяжёлого послевкусия беседы. Развернула письмо и пожалела, что вообще это сделала.

«... мы бы хотели, чтобы ты тут пожила, дочка. Подышала родным воздухом, походила по нашей земле ...»

Родители не настаивали, конечно. Их письмо – далёкий голос из прошлого – рассказывало о жизни в деревне, о любви друг к другу и надежде на то, что их дочь счастлива. Теплые, нежные слова, которых ей так не хватало. Мама с папой тоже приветствовали ее, и очень хотели поделиться жизнью, которой жили до переезда.

Ну и как теперь заставить себя позвонить Владимиру и обратно проситься? Настоящее предательство!

– Вот погоди, скоро горка вниз уйдет, – пробормотала Ра-

да, очевидно, приняв ее вздохи за усталость. – На этой прогалине твоя мама часто травы собирала. Уж так хорошо в них разбиралась. Веды ее к себе сманивали. Чувствовали женский дар...

– Кто? – не поняла Любава.

– Веды. Вещуны, или ведуны по-другому. Они отдельно живут. Чаще одиночками, очень редко – по несколько... Слыхала, поди-ка, сказки о бабе Яге? От них и пошло. Только люди наврали сверху три короба, а как же! Ишь чё – молодлица одна в лесу хозяйствует. Событие!

Событие или нет, а мужик-одиночка привычнее будет.

– И зачем они живут одни? – пропыхла, забираясь на крутой овражек.

– Так дар легче раскрыть. Они – младшие сестры Деваны, жены бога Святобора. Им благоволит богиня охоты. Дает способности разные... Под их защиту идут звери да птицы. Травы силу отдают лишь в руках веды. А иным – самым сильным – и нити Судеб наших послушны. Только опасное это дело – задеть хоть одну такую...

Любава только головой покачала – ну и сказки! В то, что женщины по лесам живут – ещё поверить можно. А вот то, что им какие-то нити послушны... Ерунда.

– ...Ну-ка, вот и пришли, – не смутилась ее молчанием Рада. – Красиво, а?

А онемевшая от неожиданности Любава только кивнула, разглядывая раскинувшуюся перед ней полянку. Продолго-

ватая и узкая, как игольное ушко, она пестрела разнотравьем. Яркие мазки жёлтого, белого, розового, голубого и зеленого превращали ее в красочную палитру. А какой аромат!

Любава всей грудью вдохнула наполненный запахами цветов воздух. Сладко! Пробежаться бы по разноцветному ковру, поваляться в душистой траве и сплести венок... Но Рада мастерски спустила ее с небес на землю.

– Здесь обычно ловит, – махнула в сторону поляны. – Давай погуляй тут, а я малинник осмотрю. Недалеко буду.

И Рада пошла обратно вглубь леса. Что ж, может, оно и к лучшему. Любава не была уверена, что сможет сейчас набрать нужный номер и позвонить.

Но даже если бы хотела – не смогла.

– Да что ты будешь делать, – встряхнула несчастный мобильный. Щёлкнула по антенке, но связь не ловила.

Хм... надо поискать местечко. Просто чтобы быть в курсе, если придется с Владимиром связываться. На дерево, что ли, залезть?

Любава медленно побрела по полянке. Как в цветочное море окунулась! Но любовалась недолго, опять занялась телефоном. Нет, тут не ловит. Несколько шагов в сторону... и тут нет. А! Вот!

Но палочка появилась и пропала. Значит, надо идти туда... Любава двигалась вперед, не отрывая взгляд от экрана. То петляла, то кружила, возвращалась и снова шла.

– Зараза. Мигаешь тут, мигаешь ... Ай!

Нога споткнулась обо что-то твердое, и Любава полетела вперёд носом.

Прямо в пятно бурой шерсти.

– М-м-миш-ка... при-вет...

Зубы выплясывали чечётку, а пятая точка намертво приморозилась к земле.

Перед ней сидел медведь! Самый настоящий, живой медведь, на которого она просто-напросто упала! Сердце кувыркались под горлом, не оставляя шанса даже на писк.

Главное – не смотреть ему в глаза. И на лапы тоже! О-о-о, какие огромные когти! В воздухе замелькали черные мушки. Кажется, ей сейчас станет дурно...

Земля качнулась из стороны в сторону, и Любава обесилено завалилась на бок, готовая распрощаться с жизнью. Только бы Раду не тронул... Она же тут, совсем близко...

Медведь шевельнулся, и перед ней очутился влажный черный нос. Все, конец.

Любава крепко зажмурилась.

Но вместо оглушающей боли от медвежьих клыков щеки коснулось мягкое и влажное.

– Ф-р-р-р... Фру-у-у...

От неожиданности Любава приоткрыла рот и тут же принялась отплевываться. Шерсть!

Мохнатая громадина не собиралась закусывать обморочной девицей. Вместо этого медведь протяжно лизал щеку и толкался огромной башкой.

– Ф-р-р-р, – урчал и сопел в самое ухо. – Фру...

И опять лизал.

Силы резко вернулись, и Любава рискнула приподняться, чтобы хоть немного отстраниться от неожиданно мирного зверя. Да это же тот самый – ручной! О нем ещё Рада говорила. Ох, неужели не съест?

– Ты, а... Эй!

Медведь нагло прошелся языком около губ! Машинально Любава принялась отирать мокрые нежности рукавом.

– Слюнявый какой, – пробормотала, уже смелее разглядывая добродушно вздыхавшего зверя.

А тот нюхал ее руку, лизал пальцы и все урчал. Прямо трактор настоящий. Страх окончательно растворился, оставив крепнущую с каждой секундой уверенность – не тронет. Хотел бы – давно кинулся, а не тыкался носом в ладонь, выпрашивая погладить.

Сама себе не веря, Любава осторожно тронула блестящий мех. Коротко провела по носу и крутому лбу. А медведь только жмурился. Вздыхал радостно и счастливо, будто она ему бочку меда прикатила, а не потрогала самую чуть.

– Чудеса, – пробормотала, снова оглаживая широкую морду. – У меня, наверное, удар. Солнечный.

К ней ластилась лесная зверюга! Огромный шерстяной ужас, который так ласково фырчал и сторожил круглые милые ушки. А цвет глаз до чего интересный – настоящий янтарь. И смотрит слишком осмысленно для медведя.

– Ты домашний, да? – пробормотала, пытаясь избавиться от ощущения все понимающего взгляда.

Он же не человек, в самом деле!

А медведь со вздохом улегся на спину, предлагая почесать плюшевый живот.

« *Не тронет этот медведь, не трясись так* », – засмеялся над ухом голос Рады.

Любава даже оглянулась, но нет. Только ветер шумел, и пели птицы.

– Кому рассказать – не поверит, – легонько взъерошила шерсть на могучей груди. – А ты красивый...

Медведь лениво прикрыл глаза и выдохнул, мол: « *Сам знаю. Не отвлекайся* ».

– ...и нахальный, – усмехнулась Любава, с удовольствием зарываясь пальцами в густой мех.

Шелк золотой! Шерстинка к шерстинке, и каждая переливается на солнце медовой искоркой.

А зверь лежал, отбросив голову и вольно приподняв лапы. Любава ещё косилась на бритвенно-острые когти, но медведь не думал пускать их в ход. Тихонько укал на лёгкие прикосновения и водил иногда носом. А она уже совсем смело рассматривала лесного гостя.

Красавец! Тяжёлый, мощный, лапа что сковородка – огромная! Пушистый такой, ухоженный, весь лоснится. А морда смутно знакомая... Любава схватилась за кулон. Дрогнувшими пальцами вытащила его, и принялась сравнивать

резную фигурку и настоящего зверя. Похожа! Непонятно чем, но точно похожа!

Зверь заинтересованно приподнялся. Абсолютно бесшумно для такой огромной туши сел столбиком, и Любава сразу же ощутила себя мелкой и глупой мышью. Нашла с кем сравнивать! Да все медведи на одно лицо! Точнее – морду.

Зверь слегка потянулся вперед, внимательно оглядел кулон в ее пальцах и опять вздохнул.

Любава даже лоб потеряла. Остатки паники, что ли? Откуда ей вдруг померещилась тоска в медвежьем гуканье?

Вдруг зверь резко повернул морду в сторону леса и насторожил уши, словно прислушивался. Любава тоже глянула, выискивая причину, встревожившую зверя. Но нет, все тихо и спокойно.

И пока она отвлеклась, ей опять облизали щеку и даже пошее прошлись. Медведь тихонько фыркнул, очень осторожно обтерся об плечо, а потом поднялся на лапы и побрел в лес.

А Любава осталась сидеть. Облизанная и обласканная хищным зверем. На щеках ещё горели медвежьи поцелуи. А пальцы чувствовали мягкость густого меха.

– Ну дела, – пробормотала и даже за руку себя ущипнула. Не приснилось ли?

Валявшийся рядом мобильник тихонько пикнул. Что?! Полная сеть?

– Дела, – повторила беспомощно.

И надо бы использовать момент на полную катушку – скорее набрать нужный номер, пока не пришлось опять бродить по поляне, но... Любава сунула мобильный в карман. Потом. Она поживет тут некоторое время, как хотели бы родители, а потом уедет. И больше постарается не встречаться с Даниилом.

Глава 9

– Сестра! Какая ты! У-у-у, на тетю Яру похожа! Я фото видела! И глаза и волосы! О, Расскажи, как там в столице? Машин много, да? Людей, наверное, толпы...

Дарья тараторила как сорока. Обнимала, смеялась, тиска-ла.

И Любава не могла не смеяться в ответ. Сестра! Двоюродная, но с первых секунд родная.

Бывает же так – смотришь на человека и сердцем его чувствуешь. И кровь тут ни при чем.

Белокурая, голубоглазая и приятно кругленькая, Дарья так и светила мягким добродушием. Располагала себе, и даже дробненький, как горошек, разговор, не вызывал желания сбежать. Наоборот – слушала бы и слушала.

За ними с улыбкой наблюдала мамина сестра – тетя Яся. Ее муж и сын остались на заимке, рыбу заготавливали.

– На всю деревню наловили, во сколько! – разводила руками Дарья. – Вкуснющая, жирнющая. Вот, попробуй-ка, ну!

И в тарелку подсовывали ещё кусочек.

– Спасибо...

– А как хорошо, что ты приехала сейчас! Аккурат на праздник!

Любава удивленно округлила глаза:

– Праздник?!

– Ночь на Купалу, – пояснила молчавшая тетя Яся. На дочь она походила мало и характером, и внешностью. – Вся деревня праздновать будет.

– А ... – хотела возразить, но Дарья оказалась шустрее:

– И день моего рождения тоже на Купалу!

Любава тут же захлопнула рот. Шах и мат. Отсидеться дома не получится, а на празднике наверняка Данияр со своей «соколицей» будет.

Но Дарью ее молчание не смутило. Сестра продолжила расписывать прелести предстоявшего гуляния:

– О, это будет здорово! Трудится вся деревня, а потом такой пир!

– Трудится?

– Ну да, – как само собой разумевшееся подтвердила Дарья. – Мужчины дрова для печей и костров готовят, женщины травы собирают, место подготавливают. Волхв придет, благословит пары перед капищем. Потом танцы, песни – красота!

Любава не сомневалась. И ей надо будет помогать тоже. По нервам заискрило напряжение. Работы она не боялась, а вот планы не пересекаться с Данияром и его зазновой накрывались медным тазом.

В руке очутился кулон. Ничего, как-нибудь выдержит.

– А что это? – сразу же среагировала любопытная Дарья. – Интересно... Можно глянуть?

Пришлось разжать пальцы.

– Ух ты! – восхитилась Дарья, разглядывая болтавшийся перед носиком амулет. – Наша это работа! Данияр Мстиславович такие режет!

Любава до боли в пальцах вцепилась в ускользавшую из-под нее табуретку. Данияр?!

– Это... отец подарил, – промямлила, а в голове уже два плюс два складывались.

А ведь мог и Данияр! Рада говорила, что он с переездом помогал, да и парень на пятнадцатом году жизни вполне с ножом управиться мог.

– Ну, может, и папка твой, да, – не стала спорить Дарья.

– Данила по дереву тоже хорошо работал, – кивнула вслед за дочерью тетя Яся. – Но Данияр Мстиславович гораздо лучше. Он здесь половину домов украсил, и ворота его рук дело.

Замечательно! Только ей зачем об этом знать?

– Так... А что там с подготовкой празднику? – сменила тему.

А сама кулон незаметно спрятала. Может, снять совсем? От одной мысли плохо стало – это же хуже, чем без кожи остаться! Прикипела она к нему сердцем! С детства носила, а теперь выкинуть? Глупости какие.

Дарья ее заминки в упор не увидела. Подскочила на ноги, хватать за руку и поволокла во двор.

– Сейчас все расскажу! И со всеми познакомлю...

– Как ты жила там вообще? От шума голова раскалывается. Я в Томске еле доучилась. Бежала сюда, теряя тапки...

Рыженькая Стася морщила нос и фыркала, расписывая «ужасы» городской жизни.

– Толкучка эта, транспорт пыхтит, все злые, гавкают друг на друга. Настроение портят. Преподу на ногу в столовой наступили, а он на нас сорвался. Нормально, да? А тут! М-м-м, хорошо! Привольно... И природа совсем другая! А!

Стася закинула в рот горсть спелой морошки и счастливо вздохнула.

Другие девушки кивали и перекидывались словами поддержки.

Самая настоящая девичья гурьба, в которой Любава почему-то не чувствовала себя чужой, хотя терпеть не могла незнакомые компании.

А тут моментально вписалась! И о природе поболтать, и о травах рассказать, похвастать, как мама их растить умела да чай составлять.

Девушки ее слушали. А исходившее от них добродушие пригревало нежным солнышком, топило в сердце желание тихонько улизнуть, как бывало с Любовью на редких студенческих посиделках.

– Тут капище недалеко, заглянем? – подала голос Таина. – Пожертвуем первую ягоду туда. Может, сбор легче пойдет? А то черника прячется...

Лёгким сквознячком между девушками прошёлся гомон

согласия. Любава тоже не протестовала. Капище увидеть было очень любопытно.

Шли недолго. На лесном взгорке между двумя огромными кедами, клином стояло семь фигур. Одна, самая большая – по центру, чуть вперёд две, как парочка, и еще ближе четыре – их дети. Все как одна вырезаны из дерева.

По коже сыпанули щекотные мурашки. Свежая работа... Данияр резал? А спрашивать стыдно. Ещё подумают лишнего.

Любава внимательно рассматривала темные пропитанные смолой столбы. Один из них с женским лицом. Мама рассказывала про нее и даже показывала рисунки. Девана. Богиня-охотница, защитница семейного очага. Покровительница брачных клятв. В груди шевельнулось остренькая заноза. А перед глазами то самое фото, где Данияр ещё мальчишка. Наверняка он кулон вырезал. Вот и в машине спросил... На-кричал.

Любава передёрнула плечами. До сих пор в ушах звенит! А девушки быстро разложили ягоды в каменные миски и снова принялись за обсуждение.

– Ну, пойдем, что ли? Ещё пару мест осмотрим.

– Мяты нужно...

– Любава, ты идешь?

Уже? Она же ещё толком ничего не рассмотрела!

– Вы идите. А я скоро.

Девушки уговаривать не стали – скрылись за деревьями.

Только Дарья задержалась.

– Догоним их вместе, – беспечно махнула рукой, – а то заблудишься... Красиво, да? Тоже Данияр Мстиславович делал.

Любава прикоснулась к шероховатому дереву. Будто живое! Теплое и гладкое...

– Зачем ты его все по отчеству? Не старый же, – пробормотала, любовно оглаживая крепкий бок идола.

– Как зачем? – удивилась Дарья. – Он же – Старший всех наших деревень!

Опять этот непонятный старший. Словно люди взяли и выбрали его каким-то жрецом или пастырем, но слепого поклонения и рядом не валялось. Странно.

– А его жена тоже старшая?

За спиной послышалось пыхтение.

– Вот ещё! С ведами она жила да и... приползла на лакомый кусок.

Ого! А у Данияра поклонниц мама не горюй, как ещё у его жены от всеобщей зависти русы косы целыми остались? Соколица... синеглазая.

Любава мысленно отвесила себе хорошую затрещину. Не помогло. Стоило только подумать о Варваре, как хотелось шипеть разъяренной кошкой.

– А что, такая плохая? – поинтересовалась тихо.

Сестра лишь вздохнула.

– Если бы! Нет, ведет себя тихо. Поначалу, как только хво-

стом вертеть пришла, так слаще меда пела, в помощи всегда первая. Люди радовались, ведь веда в деревне – это очень хорошо...

Любава поежилась. Так соколица из тех самых вед, о которых Рада упоминала? Очень интересно... А не приворожила ли она мужа случаем?

От внезапной догадки стало тревожно.

– Чем же хорошо? – как можно равнодушнее обронила Любава. – Гадает на судьбу, что ли? Ворожит? – на последнем слове голос предательски дрогнул.

А Дарья как фыркнет:

– Нет, конечно! Это дурой надо быть – ворожбу на людей насылат. За такое боги, – кивнула на идолов, – по голове не погладят. Каждая веда об этом знает... Нет. Варвара зверя заговаривает, удачу охотникам дает, да с погодой ладит...

Ой ли? Но Любава смолчала. Кажется, Дарья искренне верила, что гадости – они только в городах случаются.

– В общем, сил у нее порядком. Поэтому и приняли ее быстро. А я вот нет! – сестра воинственно вздернула носик. – Гордячка она! Как добилась внимания Данияра Мстиславовича, так на всех свысока и стала глядеть. Показала свое нутро.

– Понятно, – вздохнула Любава.

Большого, видно, сестра скажет. Да и толку выпрашивать?

А Дарья взглянула в сторону, куда ушли девушки:

– Давай возвращаться. А то потом по всему лесу искать их будем.

Покидать капище не хотелось.

Лечь бы рядом с идолами и смотреть на кружево зелени, сквозь которое проглядывало синее небо.

– Ты иди, – отозвалась Любава, – а я догоню.

Дарья нахмурилась, но все же кивнула и, подхватив лукошко, скрылась за деревьями. А Любава все же присела на землю. Словно Васнецовская Алёнушка, устроила голову на коленях и прикрыла глаза.

Как слайды, в голове замелькали непрошенные образы. Острый нож, из-под которого вьется стружка. Сильные и длинные пальцы, так осторожно сжимающие кусок дерева, и вихрастая русая макушка, склоненная над работой. В волосах медовыми бликами пляшет солнце, а резкий излом губ тронут мечтательной улыбкой. Данияр улыбался, когда резал ее амулет.

Любава вздрогнула и открыла глаза.

– Ой... – прошептала тихонечко.

Прямо напротив нее сидел медведь.

Первым порывом было шарахнуться в сторону, но она даже не дернулась. Медведь был тот самый – ручной. Янтарные глаза смотрели не по-звериному умно, да и агрессивно зверь себя не вел. Водил носом, любопытно топорщил уши.

Любава тихонько перевела дух.

– Ох, мишка... ты как тут оказался?

Боги, ну и ерунду спросила! Лес вокруг, а он – животное, к людям привыкшее. Ходит рядом голодный, ждёт, что покормят... вон как ягоды из корзинки уминает!

– Эй! – от возмущения она даже на ноги вскочила. – Ты! Обжора!

Но попытка пихнуть медвежье плечо закончилась полным провалом. Ловко сграбастав корзину, медведь развернулся к ней мохнатой попой.

А вот это уже наглость! Любава оббежала косолапого так, чтобы видеть его морду.

– Я их всё утро собирала!

Медведь смачно чавкал и стыдиться не спешил. Янтарные глаза жмурились от удовольствия, а корзина жалобно хрустела в когтистых лапищах.

Любава расстроено уселась рядом. Не отбирать же, в самом деле. Зверь ведь, охота полакомиться ягодкой.

– Хоть бы мне оставил, – вздохнула, разглядывая, как ловко медведь расправляется с добычей. – Хапуга.

Медведь даже корзинку выронил. И вдруг как фыркнет. Любава рот раскрыла от удивления. Понял ее? Быть не может!

А медведь встал, осторожно подпихнул ей корзинку и лизнул пальцы. Ещё и благодарит! Дрессировали его, что ли?

– Спасибо за тару, – вздохнула, забирая слегка обслюнявленное лукошко. – Девочки не поверят.

Зверь согласно кивал и лез носом под ладонь, требуя лас-

ки. Тихонько фырчал и тёрся огромной башкой о плечо. Жмурился, фукал и все норовил пройтись языком.

Ну и как на такую плюшевую милоту злиться будешь? Любава с удовольствием запустила пальцы в густой мех и потрепала ухо. Медведь так и затарахтел. А морда довольная-я-я!

Ох, кто бы со стороны взглянул! Лохматая громадина ластится домашним котенком и все пробует то руку, то щеку поцеловать.

– Иди уже, Хапуга. Ой! – хихикнула, когда медведь осторожноенько боднул в плечо. – А ты что думал? Мне теперь заново ягоды собирать.

Зверь вострепнулся. Ловко ухватил ее за край рукава и потянул за собой. Потакая любопытству, она пошла. Вот будет смеху, если ее к ягодам приведут...

Смеяться резко расхотелось, стоило под ногами раскинуться мучнисто-синему морю.

– О-го-о-о, – выдохнула, разглядывая крупную чернику, плотно облепившую кусты. – Да тут с одного куста – лукошко! А сам-то чего не ел? Листья мешают, что ли...

Бормотала, уже собирая раскинувшееся под ногами богатство. Плотные шарики застучали о дно корзинки. Не удержавшись, Любава кинула пару штук в рот, и зажмурилась – ох, сладко!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.